

Современная западная социология. Словарь. — М.: Изд-во политической литературы, 1990.

Социология: Словарь-справочник. Т. 1. Социальная структура и социальные процессы. — М.: Наука, 1990.

Ходжсон Дж. М. Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. Доклады и выступления участников международного симпозиума. — М.: Изд-во "Япония сегодня", 1997.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Лаврухина И.А., канд. экон. наук, доцент БГУ

При анализе истории отечественной экономической мысли мы неизбежно сталкиваемся с рядом трудностей. Прежде всего, оказывается невозможной четкая классификация ее представителей по сложившимся направлениям экономической мысли. С другой стороны, к ней трудно применить принципы периодизации, общепринятые при логико-историческом анализе мировой экономической науки.

Очевидно, это связано с особенностями экономической истории России, а также с самобытностью авторов, занимавшихся экономическими проблемами.

Применяя цивилизационный подход к периодизации экономической истории и истории экономической мысли России, мы начинаем с IX в. — периода, из которого до нас дошли первые письменные источники, содержащие экономические идеи, точнее, в которых отразились особенности экономического устройства, а также общественные идеалы и хозяйственные представления старорусского общества. Вплоть до XVIII в. продолжается так называемый досистемный этап развития отечественной экономической мысли.

В XIV в. начинается становление России, как империи, в результате крупномасштабных колониальных захватов. К началу XVII в. этот процесс завершается созданием централизованного государства, формированием общероссийского рынка и нового сословия — торговой буржуазии. Таким образом, создаются социально-экономические предпосылки возникновения экономической науки, как системы экономических идей, характеризующейся собственным предметом, методологией исследования и категориальным аппаратом. Духовными предпосылками становления российской экономической науки были, безусловно, работы И. Посошкова, а также "прожектеров" петровской эпохи — Ф. Салтыкова, А. Вольнского, В. Татищева и др., в которых предпринимались попытки дать определение науки "экономии", первых экономических "понятий", ставились отдельные вопросы теоретического характера и предлагались решения проблем

хозяйственной практики. Однако их идеи так и не сложились в науку — при господствовавшем феодальном хозяйственном укладе и деспотической власти экономическая наука еще не была востребована.

Перечисленным предпосылкам становления российской экономической науки было суждено реализоваться только во второй половине XVIII в. — во времена правления Екатерины Великой, лично способствовавшей созданию ее подлинных основ — образуется Вольное экономическое общество, приглашаются европейские ученые, переводятся и издаются теоретические работы, в университетах вводятся экономические учебные дисциплины. Заметим, что в Европе экономическая наука к этому времени уже завершила процесс своего становления. Не случайно многие авторы считают, что Россия позаимствовала экономическую науку из Европы.

Начиная с этого времени, мы находим в отечественной экономической мысли идеи и концепции, по некоторым признакам вписывающиеся в то или иное направление мировой экономической мысли (школы меркантилизма, физиократии, классическая школа имели своих приверженцев в России). Вместе с тем, очевидна и специфика этих идей, и наличие теорий, не имеющих аналогов в западной экономической мысли и зачастую не вписывающихся в логику развития мировой экономической науки.

Отдельный этап связан со становлением и развитием советской экономической науки. Этот процесс, несмотря на то, что анализируется с весьма близкого расстояния, также обнаруживает ряд этапов (формулирование предмета, методологии и системы категорий политической экономии социализма в период формирования центрально-управляемой экономики, попытка развития практической функции этой науки в условиях падения темпов роста советской экономики в 60-е гг., "загнивание" и "застой" в связи с решением преимущественно идеологических задач в 70-е — первой половине 80-х годов, системный кризис науки в период перехода от центрально-управляемой экономики к рыночной).

Несмотря на огромный исторический отрезок времени и многообразие идей и авторов, российская экономическая мысль демонстрирует ряд характерных черт на всех этапах своего развития.

Прежде всего, российская экономическая мысль всегда носила ярко выраженный государственный характер. Это проявлялось в "почтительном" отношении к государству, в стремлении русских экономистов оправдать государственное вмешательство в экономику, в признании за государством социальной силы, обеспечивающей гармонию интересов в обществе и прогрессивное развитие страны. Такая особенность обусловлена традиционно важной ролью государства в хозяйственной жизни России и особым типом государственности — деспотической монархической властью (а позже — тоталитарным советским режимом, характеризовавшимся предельной концентрацией экономической и политической власти). Зако-

номерное возникновение в России именно этого типа государственности объясняется, прежде всего, бедностью природно-климатических условий и неблагоприятным геополитическим положением. С самого начала своей государственной истории русские жили между 50–60 градусами северной широты (сравнение с Канадой некорректно, т. к. в Канаде основная масса населения размещается на юге страны, а севернее 52 градуса в Канаде практически не ведется сельское хозяйство). Для России характерна чрезвычайная краткость периода, пригодного для сева и уборки урожая, сильные колебания годовых температур, неблагоприятное распределение осадков по территориям и в течение сельскохозяйственного года. Это обуславливало низкую урожайность, тормозило экономическое развитие страны, способствовало выработке негативных черт национального характера. Кроме того, территориям, освоенным русскими, присуще относительно однообразие природных факторов. Как следствие – однотипность хозяйственной деятельности во всех зонах, слабая специализация и замедленное развитие товарообмена. Огромная протяженность России с Запада на Восток и неразвитость дорожных сетей способствовали ведению натурального хозяйства и сдерживали естественные процессы роста эффективности хозяйства.

Наличие огромных незаселенных территорий и возможность свободной миграции населения заставляло государство искать специфические механизмы государственного управления, а также пути усиления контроля за земледельцем – источником дохода. Это, вероятно, была одна из причин закрепощения крестьянства.

Таким образом, при относительно низком объеме совокупного продукта, огромном населении и обширной территории государству приходилось использовать жесткие рычаги налоговых изъятий. Отсюда питающие друг друга – растущая мощь самого государственного механизма и рост изъятий средств на содержание разбухающего государственного сектора.

Не защищенная естественными преградами граница заставляла Россию на протяжении всей ее истории обороняться от нашествий как с Запада, так и с Востока. Это требовало огромных материальных затрат и людских ресурсов для обеспечения безопасности, и, как следствие, – наличия сильного организационного начала – государства. Еще одна геополитическая причина формирования сильной государственной власти – это оторванность почти на протяжении всей истории от морей. Борьба за выход к морским торговым путям – еще один аргумент в пользу сильной государственной власти.

Другая причина предельной концентрации власти в России – связана с промежуточным положением России между Европой и Азией, что привело к причудливому переплетению основных признаков азиатской цивилизации с некоторыми закономерностями западной цивилизации.

Характерное для азиатской цивилизации главенство власти над частной собственностью, существование так называемой "публичной собственности", которая со сменой власти может менять хозяина, и почти полное отсутствие традиции и культуры настоящей частной собственности (и, прежде всего – на землю) проявлялись на всех этапах экономической истории России. Если на Западе ко времени становления монархий и централизованного государства условное землевладение превратилось в прямую собственность на землю, и возникли институты демократии, ограничивающие государственную власть, то в России, наоборот, более или менее устойчивая собственность на землю существовала до появления монархии. Монархия же стала всячески ограничивать эту собственность, заменяя ее условным землевладением, зависящим от государственной службы. Земля в России быстро переходила от одних дворян к другим на всем протяжении периода империи, власть препятствовала закреплению дворян на тех или иных землях (при Иване III, Василии III, Иване IV проводились массовые депортации). Неудивительно, что и российскому предпринимательству не удалось создать стабильных буржуазных династий, приобрести политических амбиций, которые позволяли бы иметь политическую независимость от власти. Оно не смогло создать корпоративных структур, способных уравновешивать верховную власть. Государство всегда вмешивалось в дела частного предпринимательства в России.

Упоминавшаяся оседлость жизни, преобладание натурального хозяйства, а также и идеология православно-христианской религии выводили особый психологический тип людей – спокойные, достаточно инертные люди, привыкшие подчиняться одному лицу (руководителю общины, помещику, царю, государству). Поэтому "экономический либерализм", экономическая свобода, в смысле полного невмешательства государства в хозяйственную жизнь, никогда не господствовал в умах и экономике России.

Неудивительно, что вся история России – это история поиска и осуществления реформ – процесса, по определению, идущего сверху и направленного на преодоление бедности.

Отсюда – такая черта отечественной экономической мысли, как *нормативность исследований* – она всегда ставила своей задачей ответить на вопрос "как должно быть" и, соответственно, выработать рекомендации правителям.

На Западе экономисты-теоретики, как правило, тоже интересовались вопросами практики и порой выступали с достаточно радикальными реформаторскими идеями, но они стремились четко разграничить практическую и теоретическую части экономической науки. Российские же экономисты любые теоретические построения подчиняли решению преимущественно практических задач и адресовывали их правительству в качестве руководства к действию.

Важной особенностью экономических воззрений русских ученых является *внимание к проблеме социальной справедливости*. В России не было "чистой" экономической науки как таковой. Она всегда занималась социальными проблемами, верила в возможность и искала пути улучшения социального порядка. Как правило, поиск таких путей осуществлялся с идеалистических позиций. Отсюда огромное множество утопических проектов – от крайне реакционной "утопии" М. Щербатова до "русского утопического социализма" А. Герцена, Н. Огарева, Н. Чернышевского и коммунистической утопии российских марксистов. Хотя, безусловно, и в таком подходе присутствует свое рациональное зерно. Например, обоснование П. Георгиевским необходимости социальной политики в условиях рыночной экономики (до А. Пигу и Дж. М. Кейнса) является вкладом в мировую экономическую науку.

С предыдущей особенностью связана и такая черта российской экономической мысли как *междисциплинарность* исследований – ее тесная связь с философией, социологией, психологией, историей, религией. Русские экономисты не замыкаются на анализе чисто экономических проблем, они трактуют экономику только как органическую часть общества и государства, у них нет сведения природы человека к homo economicus. В работах М. Туган-Барановского, С. Булгакова, представителей российской исторической школы формулируется задача извлечь науку (прежде всего классическую политэкономия) от заложенной в ней односторонности и предвзятости и подчеркивается важность социально-нравственных и этических слагаемых экономических исследований.

В теории цивилизации Янжула проблема роста национального богатства связывается с задачами подъема духовности, просвещения и нравственного оздоровления общества. Идеологи российской исторической школы настаивают на том, что право и характер общественного устройства оказывают активное влияние на экономику.

Отсюда и *универсальность* русской экономической мысли. Она во многом обусловлена спецификой русской общественной мысли в целом, ее своеобразным универсализмом. Русская общественная мысль все теоретические построения воспринимает в качестве источника определенных воззрений на окружающую действительность, путей разрешения религиозных и философских вопросов, вопросов политики и морали, общественной и личной жизни.

Универсальность русской экономической мысли в немалой степени обусловлена тем, что в России было мало экономистов-теоретиков в узком смысле этого слова. Первый экономический факультет в России был открыт в Санкт-Петербургском политехническом институте только в 1903 году. Большинство русских экономистов того времени получили образование на юридических или естественнонаучных факультетах университетов и имели основательную подготовку в области философии.

В России в меньшей степени, чем где-либо, экономическая наука была университетской и академической. Важнейшие экономические сочинения, в которых выдвигаются новые идеи, пишутся не профессорами, а либеральными дворянами, прогрессивными чиновниками, людьми свободных профессий. Все они сочетают научные исследования с преподаванием, литературно-публицистической и общественно-политической деятельностью, а также с работой в государственных и общественных учреждениях. Неудивительно, что большинство экономических идей формулировалось и излагалось в программах различных общественных течений и политических партий. Например, становление и развитие экономических идей народников было связано с деятельностью таких партий, как анархисты, эсеры, энесы.

Акцентирование национальных особенностей. Начиная с достаточно ранних периодов своего развития, и решая конкретные проблемы экономической действительности России, российские экономисты неизбежно сталкивались с вопросом о возможности применения западного пути развития в условиях российской экономики. Такая постановка вопроса была неизбежной, т.к. почти всю свою историю Россия была в роли "догоняющего" Запад. Многие из них отрицали саму возможность социально-экономического развития России по западному пути (славянофилы, народники). Достаточно упомянуть идею "общинного социализма", берущую свое начало от Н. Чернышевского и реализовавшуюся на практике в процессе повальной кооперации в 20-е годы XIX в.). И даже те авторы, которые считали возможным гармоничное развитие России на основании западного опыта, признавали, что необходимо учитывать национальные особенности российской экономики при определении конкретных путей ее реформирования.

Это лишь самые общие черты русской экономической мысли, которые в большей или меньшей степени проявлялись на различных этапах ее развития.

Вместе с тем, различные школы, направления и отдельные российские экономисты предлагали собственные теоретические и методологические установки, особый круг исследуемых проблем, вводили новые понятия и участвовали в разработке экономической политики. Российская экономическая наука дала целую плеяду блестящих ученых, определивших развитие не только отечественной, но и мировой науки – А. Богданов (создатель особой науки – тектологии), С. Булгаков (соединивший политическую экономию с христианством), И. Янжул, А. Чупров (российская историческая школа), М. Туган-Барановский и Н. Кондратьев (теория экономической конъюнктуры и циклов), В. Дмитриев, Е. Слуцкий, Л. Канторович, В. Новожилов, В. Немчинов (российская экономико-математическая школа), В. Базаров, Г. Фельдман (теории роста).

Литература

- Аникин А.В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. – М., 1990. – С. 415.
- Из истории экономической мысли России // Под ред. Н.А. Климова, Ю.Я. Ольсевича. – М., 1990. – С. 367.
- История русской экономической мысли // Под ред. А.Ш. Пашкова, Н.А. Цаголова. – М., 1959. – С. 351.
- История экономических учений // Под ред. В. Автономова, Н. Макашевой. – М., 2000. – С. 784.
- Ковалев И.Н. История экономики и экономических учений. – Ростов н/Д., 1999. – С. 540.
- Русские экономисты (XIX – начало XX века) / Ред.-составители Л.А. Зубченко, Л.И. Зайцева. – М., 1998. – С. 275.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Руденков И.А., канд. экон. наук, доцент БГУ

Транзитивная экономика, характеризующаяся нарушением институционального равновесия, представляет собой неустойчивую систему способную трансформироваться в любой из известных типов экономических систем. Направление этой трансформации зависит от многих факторов: уровня технологического, социального, и культурного развития страны, национального менталитета, исторических традиций, политического и экономического влияния внешнего окружения. Но главное это наличие политической воли, опирающейся на ведущие социальные слои общества и выражающей их экономические интересы. Поэтому столь велика роль государства в транзитивной экономике, посредством которого происходит легализация и импорт новых институтов, призванных составить основу новой экономической системы.

Как известно, трансформация экономических систем может происходить двумя способами: или путем медленной эволюции неформальных институтов при посредстве государства в систему формальных институтов или путем импорта институтов, которые должны образовать новую экономическую систему. В первом случае баланс между формальными и неформальными институтами практически не нарушается. В состоянии институционального равновесия формальные институты как бы составляют основной каркас системы, структурируя общество как целостность. Неформальные же институты свободно функционируют в данной системе, не нарушая ее целостности и заполняя собой все остальное жизненное пространство. При эволюционном развитии экономической системы неформальные институты служат своеобразным строительным материалом, из которого общество в лице государства осознанно создает новые элементы системы, облекая их в правовую форму.

Нарушение институционального равновесия возникает тогда, когда трансформация экономической системы осуществляется путем импорта институтов. Импортируемые институты как чужеродные элементы нарушают устоявшиеся межинституциональные взаимосвязи, вступая в противоречие, как с формальными, так и неформальными институтами старой системы. В этом противоречии должна быть обеспечена доминанта импортируемых институтов, иначе трансформация системы не сможет пойти в заданном направлении.

Каждый элемент институциональной системы предназначен для выполнения определенной функции. Основанием для их замены является более эффективное функционирование импортируемых институтов, т. е. с наименьшими транзакционными издержками. В транзитивной экономике эффективность рыночных институтов существенно снижается в результате противодействия со стороны формальных и неформальных институтов, оставшихся от социалистической экономики. Причем, чем сильнее это противодействие, тем больше транзакционные издержки, что может низвести эффективность функционирования рыночных институтов до уровня более низкого, чем эффективность заменяемых ими институтов.

Возьмем для примера институт ценообразования. Трансформация командной экономики практически во всех странах, переходящих к рынку, началась с импорта института рыночного ценообразования. Причем этот институт внедрялся в совершенно чуждую институциональную среду: собственность государства на основные средства производства, централизованное управление деятельностью предприятий, методика расчета цен в соответствии с принципами общественно-необходимых затрат, отсутствие рыночной инфраструктуры и т. д.

Так называемые "свободные цены", прежде всего, вступили в противоречие с плановыми ценами, значительно превысив их. Но этот ценовой всплеск отнюдь не означает, что цены были приведены в соответствие спросу и предложению. В большей степени рост цен был детерминирован ростом транзакционных издержек в силу того, что институты стали выполнять не свойственные им функции. Так институт государственной собственности перестает выполнять такие важнейшие функции как сохранение, воспроизводство и накопление; цены становятся средством трансформации государственной собственности в частную и не отражают реального соотношения спроса и предложения на произведенные блага. Причиной таких деформаций формальных институтов стало влияние неформальных институтов, которые компенсируют отсутствие формальных институтов, обеспечивающих реализацию частных интересов. Получив определенную свободу в определении цены, руководитель госпредприятия начинает варьировать цену по принципу неформальной нормы: для своих (полезных для него) и чужих (бесполезных). Отдавая продук-